

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

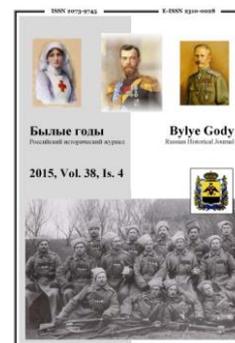
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 786-797, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 903.22

Tactic "Tulgama" the Art of War the Mongols XIII century

¹ Leonid A. Bobrov

² Aleksei V. Salnikov

¹ Novosibirsk state University, Russian Federation

Pirogova St.2, Novosibirsk, 630090

Doctor of historical Sciences

E-mail spsml@mail.ru

² North-Caucasian Institute of business, engineering and information technology, Russian Federation

Dzerzhinsky St. 62/1, Armavir, 352900

PhD (History)

E-mail alexkat_salnikov@mail.ru

Abstract

In this publication, based on a comprehensive analysis of the sources, considered one of the most important tactics of the Mongols of the XIII century, known under the Turkic name "Tulgama". The name of the maneuver is derived from the Turkic verb "talamak", meaning "to surround, to wrapped up, to turn, to whirl, to twist".

It is established that the maneuver "Tulgama" was a special tactic, providing coverage flank (flanks) of the enemy in the rear and the application of massed archery shot in his builds. Selected three varieties under consideration tactic: right flank or left flank and steam room (double) "Tulgama". The most typical was right flanks "Tulgama" when doing the nomads, covered the left wing of the enemy with its right flank. This allowed the attacking archers to fire from the most convenient position (left-forward, left, and left-back).

A characteristic feature of the Mongol tactical art was a steam room (double) "Tulgama" when the troops of nomads covered both enemy's flank, concluding the enemy's army in the ring, then attacked her from all four sides. A similar technique could not only shoot down from the position, but almost completely destroy the enemy troops. For the most efficient use of maneuver "Tulgama" the Mongols made increasing use of expanded mesalamines system, with a powerful thrust forward flank groups.

The concentration of the shock troops on the flanks (reinforced, including by weakening the Central shelf) is dramatically different from the tactics of the Mongols from the traditional tactics of the Turks, whose best part was typically the center of the combat formations. However, direct confrontation of these two approaches during the military campaigns of the XIII century demonstrated the advantages of the Mongol tactical schemes. High efficiency of reception "Tulgama" led to its continued existence in the military art of the nomads.

Keywords: tulgama, environment, flank, nomads, Mongols, conquest, borrowing.

Введение

Изучение военно-исторического наследия народов Великой Степи традиционно ведется по двум основным направлениям. Первым направлением является изучение военной истории nomadov, в том числе анализ предпосылок, подготовки, общего хода и последствий войн, а также конкретных военных компаний, походов и сражений. Вторым направлением профильных научных исследований является анализ военного искусства кочевников, под которым понимается теория и практика строительства вооруженных сил, подготовки и ведения боевых действий (в том числе анализ комплекса вооружения, тактики ведения боя, фортификации и осадного искусства, военной организации, военной стратегии). Несмотря на то, что масштабные завоевания хуннов, древних тюрков и монголов волновали умы не одного поколения отечественных и зарубежных

исследователей, далеко не все области военного искусства кочевников изучены в достаточной степени. Так если комплекс вооружения и военная организация номадов изучаются давно и плодотворно, то тактика ведения боя, а также фортификация и осадное искусство тюрков и монголов до недавнего времени не привлекали к себе должного внимания исследователей. Вместе с тем необходимо отметить, что без детального анализа тактического искусства номадов невозможно объяснить причины многочисленных побед степняков над армиями оседло-земледельческих народов, а также оценить вклад номадических сообществ в развитие мирового военного искусства. Таким образом, изучение тактических приемов кочевников является актуальной научной задачей. Под тактикой мы понимаем составную часть военного искусства, включающую теорию и практику подготовки и ведения боя. Основными компонентами тактики являются боевой строй и тактические приемы ведения сражения. Дополнительными элементами тактики являются подготовка сражения, развертывание войск (переход от походного строя в боевой), тактическая разведка, военные хитрости и др.

Материалы и методы

Главным методологическим основанием научных исследований по изучению тактического искусства кочевников традиционно являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы.

В рамках применения системного подхода к изучаемому материалу, отдельные тактические приемы и комплексы таких приемов, изучаются, как обособленное и развивающееся целое, состоящее из согласованных, необходимых и достаточных для существования данной системы элементов, каждый из которых обладает способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостных характеристик системы.

В рамках системного подхода используются рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смешение). Методика обработки источников определяется задачами исследования. Изучение тактического искусства номадов возможно путем систематизации профильных материалов и изучения их в развитии на протяжении определенного исторического периода. Данные, полученные при анализе письменных источников, дополняются и уточняются изобразительными и вещественными материалами. На этапе реконструкции тактических приемов и боевых построений задействован комплексный подход, основанный на сопоставлении письменных, вещественных, и изобразительных источников.

Обсуждение

Первые работы по военному делу монгольских и тюркских номадов, в которых затрагивались вопросы их тактического искусства, появились во второй половине XIX в.

Так, в частности, генерал-лейтенантом М.И. Иваниним, на основании анализа письменных источников и т.н. «Уложения Тимура» были выполнены описания и чертежи построений среднеазиатских армий второй половины XIV в. [1] Признавая исключительную важность работы Иванина для отечественной науки, тем не менее необходимо отметить, что авторство Тимура применительно к тексту «Уложения» продолжает оставаться предметом научной дискуссии. Высказывались предположения, что документ был составлен значительно позднее конца XIV–XV вв. Так, в частности, В.В. Бартольд, проанализировав текст «Уложения», предположил, что он был написан в Индии не ранее XVII в. [2]

В советский период отдельные аспекты монгольской и тюркской тактики ведения полевого сражения XIII–XV вв. были рассмотрены в работах Е.А. Разина и А.А. Рослякова [3; 4].

Однако узость источниковой базы, не позволила российским и советским исследователям второй половины XIX – середины XX вв. реконструировать конкретные тактические приемы кочевников и проследить их эволюцию на протяжении эпохи Средневековья и Нового времени. Планомерное изучение тактического искусства тюркских и монгольских номадов на основе комплексного анализа вещественных, изобразительных и письменных источников началось в последней четверти XX в.

Из работ последних десятилетий можно выделить статьи и монографии М.В. Горелика [5; 6], Ю.С. Худякова [7; 8], И.М. Миргалеева [9], И.Л. Измайлова [10], Р.П. Храпачевского [11; 12], А.К. Кушкумбаева [13; 14].

Определенная работа по изучению монгольской, ойратской и казахской тактики ведения полевого сражения была проделана и авторами настоящей публикации [15-19].

Несмотря на известные успехи, достигнутые в сфере изучения тактики номадов, данную тему сложно считать исчерпанной. К числу актуальных научных задач следует отнести изучение базовых тактических приемов кочевников Великой степи, а также их эволюцию на протяжении эпохи Средневековья и раннего Нового времени.

Целью настоящей статьи является выявление характерных особенностей одного из важнейших тактических приемов монгольских войск XIII в., получившего известность под названием «*тулгама*».

Результаты

В отличие других тактических приемов номадов («хоровод», притворное отступление и др.) «тулгама» долгое время не ставилась объектом специального научного исследования. Как правило, она кратко упоминалась авторами общесторических трудов посвященных народам Великой степи XV–XVI вв. без детального анализа собственно военно-тактических особенностей данного маневра [20-22].

В результате, в современной научной литературе рассматриваемый тактический прием получил весьма разнообразные толкования, вплоть до самых экзотических. Так, например, некоторые авторы определяют его, как «таранный» (!) удар сокрушающий фланг противника.

Это тем более удивительно, что содержание и смысл этого маневра были подробно описаны современниками событий. Классическим описанием «тулгама» может считаться сообщение знаменитого потомка Тимура правителя Ферганы (а в дальнейшем основателя Империи Великих Моголов) Захириддина Бабура, который столкнулся с данным тактическим приемом кочевников Дашт-и Кипчак в сражении у Ходжа Кардзана в 1501 г. Детальное описание маневра позволяет реконструировать все основные этапы его выполнения (рис. 1).

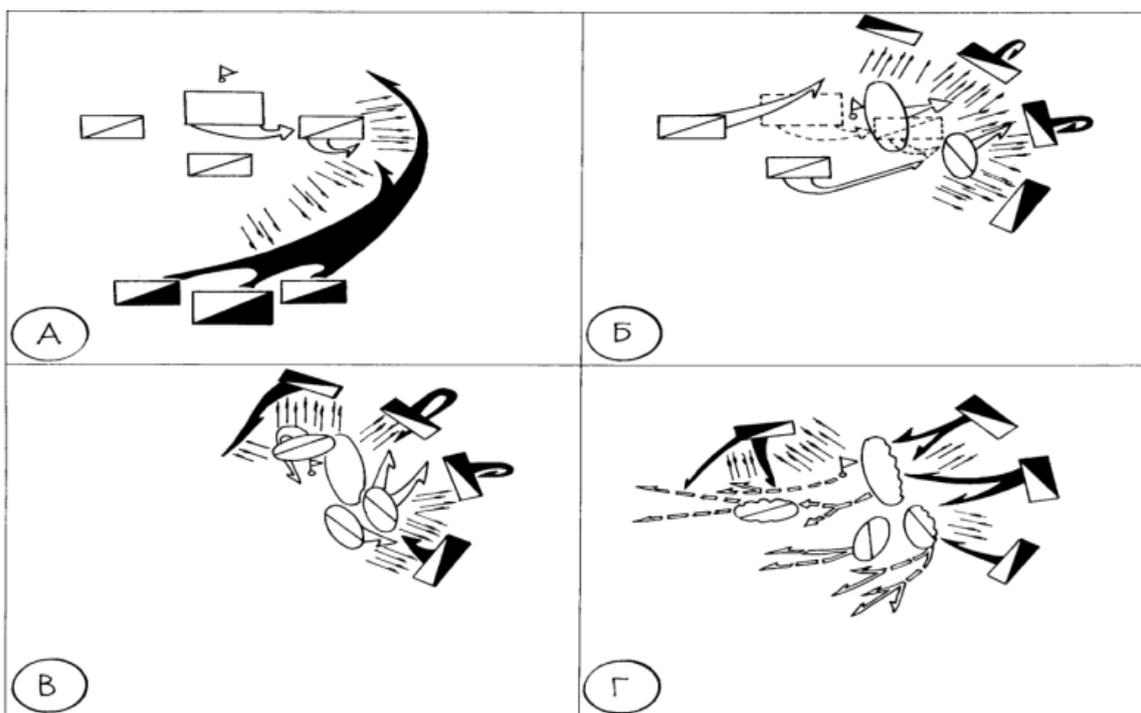

Рис. 1. Правифланговая «тулгама» на примере сражения у Ходжа Кардзана.
Реконструкция Боброва Л.А.

Рассмотрим сообщение Бабура подробнее: «Когда ряды сблизились, враги стали заходить краем правого фланга нам в тыл [здесь и далее курсив наш – Л.Б.]; тут я повернулся к ним фронтом и наш авангард, куда были записаны все наличные йигиты, выдавшие битвы и рубившиеся мечом, оказались на правой руке; перед ним [авангардом] не осталось ни одного человека. Все же мы отбили и отгеснили врагов, вышедших вперед, и прижали их к центру... Правый фланг врага, потеснив наш левый фланг, зашел нам в тыл. Так как наш авангард тоже остался на правой руке, то наш фронт оказался оголенным. Люди неприятеля напали на нас спереди и сзади и начали пускать стрелы... Мы несколько раз нападали на противника и с боем отгесняли его; наши передовые тоже ходили в наступление. Люди, которые зашли нам в тыл, также приблизились и начали пускать стрелы прямо в наше знамя [т.е. в сторону ставки командования]; они напали спереди и сзади и наши люди дрогнули. Великое искусство в бою узбеков эта самая «тулгама». Ни одного боя не бывает без тулгамы» [23].

Таким образом «тулгама» представлял собой особый тактический прием, который предусматривал охват фланга (флангов) противника с выходом в тыл и нанесением массированного лучного удара по его построениям (рис. 1). Это подтверждается и самим происхождением термина, который образован от тюркского глагола «тулгамак», то есть «окружить, обернуть, обратить, кружить, крутить» [21]. Особо оговоримся, что для обозначения маневра по охвату и окружения противника мы применяем тюркский термин «тулгама». Оригинальное монгольское название данного тактического приема в настоящее время не установлено.

Охват фланга вынуждал вражеских военачальников начать спешный разворот своих воинских подразделений лицом к атакующим (рис. 1 а), что приводило к нарушению боевых порядков, но не

решало тактической задачи, так как кочевники продолжали осыпать перестраивающихся вражеских воинов стрелами, как с фронта, так и с фланга и с тыла (рис. 1 б). В случае необходимости, номады повторно обходили войска противника с фланга, что еще более усиливало неразбериху в его рядах (рис. 1 в). Контратаки обороняющихся не приводили к желаемому результату, так как легкие степные лучники уходили из под удара конницы противника, а затем, снова возвращались на поле боя (рис. 1 б, в). При этом вражеские войска, вынужденные совершать непредусмотренные планом боя развороты и перестроения под ливнем стрел, неизбежно нарушали строй. В конечном счете, это приводило к смешению рядов и отступлению войск противника (рис. 1 г).

Главная роль при выполнении классического «тулгана» (как и в «хороводе») отводилась массированной лучной стрельбе. Ни о каком «таранном» ударе, упоминаемом некоторыми современными авторами, речь в источниках не идет. Рукопашная схватка не исключалась при выполнении маневра, но не являлась его обязательным элементом. Главное отличие «тулгана» от «хоровода» заключалось в том, что в первом случае приоритет отдавался маневру, а обстрел противника велся не только с фронта, но и с фланга и с тыла. Однако нельзя исключать, что «тулган» могла включать в себя (как составные части атаки) и «хороводы» конных лучников [19].

Представляется возможным выделить три основных разновидности рассматриваемого тактического приема: правофланговая, левофланговая и парная (двойная) «тулган».

Наиболее типичной являлась правофланговая «тулган», при выполнении которой кочевники, атаковали левое крыло противника своим правым флангом (рис. 1). Доминирование данной разновидности маневра вполне объяснимо, так как в этом случае атакующие лучники могли беспрепятственно вести стрельбу по врагу из максимально удобного положения (влево-вперед, влево, и влево-назад), что было бы затруднительно, если бы противник находился справа от атакующей конницы. Тем не менее, в некоторых случаях, чтобы маневр был неожиданностью для противника, он осуществлялся левым флангом (левофланговая «тулган»), или двумя флангами одновременно (парная «тулган») [24]. Следует, также подчеркнуть, что «тулган» могла осуществляться, как фланговыми отрядами, так и всей армией целиком (рис. 1).

Вопрос о времени появления «тулгана» в военном искусстве номадов остается открытым. Можно предполагать, что он уходит корнями в периоды поздней Древности и раннего Средневековья. Однако первые подробные и достоверные сведения о применении «тулгана» степными военачальниками относятся к периоду Великих монгольских завоеваний XIII в.

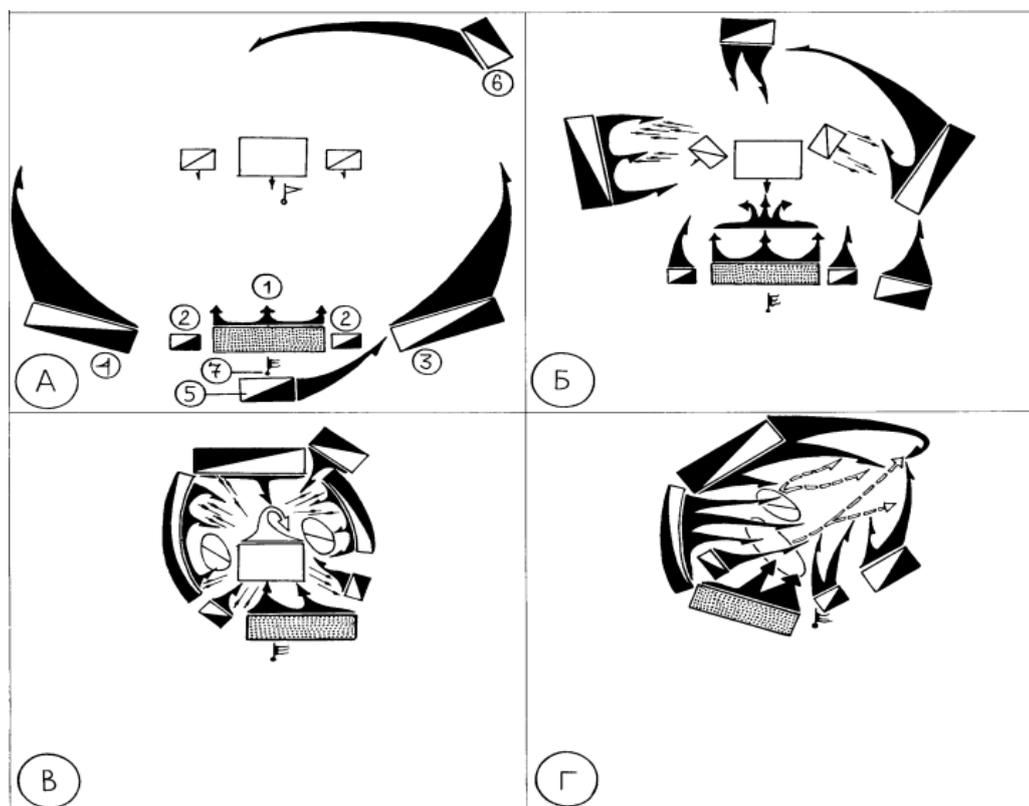

Рис. 2. «Монголо-татарская» парная (двойная) «тулган» XIII в. Реконструкция Л.А. Боброва.

Еще до провозглашения Темучина Чингиз-ханом, вокруг будущего «Потрясателя Вселенной» сплотились военачальники и воинские группы, прославленные среди монголов, как мастера охвата и окружения вражеских войск. Так, например, говорили об уруудцах и манхуудцах (мангутах)

характеризуя которых Джамуха особо подчеркивал, что «...окружить кого – это им как раз подобает» [25].

Опираясь на весьма совершенную военную организацию армии и суровую военную дисциплину, полководцы Чингиз-хана и его приемников довели данный маневр до высокой степени совершенства [19].

В полевом сражении монголы охватывали фланг(и) противника, заходили ему в тыл, одновременно засыпая его стрелами. Материалы рассматриваемого периода фиксируют факты применения воинами Чингиз-хана и его приемников, как правофланговой, так и левофланговой «тулгамы». Однако наиболее типичным тактическим приемом монголов первой половины-середины XIII в. была двойная (парная) «тулгама», когда кочевники пытались обойти не один, а оба вражеских фланга (рис. 2).

Целью маневра было не просто сбить противника с позиций, но и окружить вражескую армию, замкнув ее в кольцо (рис. 2 а, б), после чего осуществить нападение со всех четырех сторон (рис. 2 в). Подобный прием позволял не только нанести поражение войскам противника, но и практически совершенно уничтожить их.

Необходимо отметить, что нужный военно-тактический баланс был найден далеко не сразу. По указанным выше причинам, связанным с особенностями ведения лучного боя, правофланговая «тулгама» была более эффективна, чем левофланговая. Поэтому, ведущая роль в сражении обычно отводилась правому крылу армии, в то время, как левое играло вспомогательную роль.

Чтобы левый фланг мог действовать активно, страхуя и поддерживая правый, монголам потребовалось время и новый боевой опыт. Так, например, в сражении Джучи с хорезмийцами в 1218 г. монголы обошли и разгромили левый фланг армии султана Мухаммеда и уже начали теснить ее центр, когда выяснилось, что хорезмийцы опрокинули левое монгольское крыло, чем выровняли положение на поле боя [26].

Из данной ситуации были сделаны правильные выводы. И уже в сражении 1221 г. усиленный левый фланг монголов не только эффективно поддержал атаку правого крыла, но и сыграл решающую роль в победе над среднеазиатской армией [27; 10].

По мере накопления боевого опыта, отработанный в боях с цзиньскими чжурчжэнями и хорезмийцами тактический прием стал одним из ключевых элементов тактического искусства монголов [19]. Практически идентичные описания данного маневра оставили китайские, мусульманские и европейские авторы XIII в. Приведем некоторые из них.

ПэнДа-я и Сюй Тин (1237 г.): «...выигрыш темпа для тактического приема [черных татар] сосредоточить войска слева, справа и сзади [противника]. И как только войска замкнут [окружение] со всех четырех сторон, то те, которые выполнили [маневр] самыми последними, дают [сигнальный] звук [барабана] «гугуй». [Черные татары] с четырех сторон и восьми направлений откликаются (на него), одновременно объединяют силы и все вместе наносят удар» [28].

Плано Карпини (1246 г.): «Когда же они желают приступить к сражению, то располагают все войска так, как они должны сражаться... Пред лицом врагов они посылают отряд пленных и других народов, которые находятся между ними; может быть, с ними идут и какие-нибудь татары. *Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видели их противники, и таким образом они начинают сражаться со всех сторон...они всегда стараются замкнуть своих неприятелей в середине;* отсюда должно сильно остерегаться, чтобы они не имели возможности сделать это, потому что в таком случае войско легче всего терпит поражение» [29].

Ц. де Бридиа (1247 г.): «Когда же они должны сойтись с врагами, многие из них вооружаются большим количеством колчанов и стрел, и прежде чем стрелы противника достигнут их, они выпускают свои, даже если это преждевременно и они не могут выпускать [стрелы] прицельно. А когда они могут достать [противника] стрелами беспрепятственно, говорят, что [это напоминает] скорее дождь, чем летящие стрелы. И это [происходит] по причине крайней густоты [летающих] стрел. Если же они застают врагов неготовыми [к сражению], то *неожиданно окружают их, словно веном*[то есть со всех сторон]» [30].

Если окруженный противник упорно сопротивлялся, то монгольские полководцы намеренно открывали проход в рядах своих войск (рис. 2 г). Окруженные, увидев «спасительный путь» к отступлению, смешивали свои боевые порядки и устремлялись в этот ложный «коридор», после этого, монгольские воины беспрепятственно убивали бегущих. В ходе военных кампаний в Восточной Азии монголы эффективно применяли данную военную хитрость против цзиньских армий: «Монгольские войска, соединившись с войсками из Хайбэя, окружили их [чжурчжэней] со всех четырех сторон... пользуясь изнуренностью и расслаблением войск противника, *монголы открыли им дорогу в Цзень-чжеу и пропустили, между тем со свежими войсками ударили с двух сторон, отчего нючжэньская армия пришла в смятение.* Крики подобны были обрушившейся горе».

С не меньшим успехом данным тактическим приемом монгольские полководцы пользовались на другом краю континента, во время походов в Европу: «...гонят их [врагов] по одному [специально оставленному] пути, с тем чтобы они побежали, и как бы обрушиваются на них, метая без меры [стрелы]. Так что если кто-либо в середине [не продолжает] сражаться, то погибает, спасаясь бегством» [30]. Ту же военную хитрость подробно описал Плано Карпини: «А если случайно

противники удачно сражаются, то татары устраивают им дорогу для бегства, и сразу, как те начнут бежать и отделяться друг от друга, он их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне» [29].

Эффективность приема «тулгана» демонстрирует и тот факт, что даже самые смелые и талантливые противники монголов не могли ничего противопоставить данному тактическому маневру кочевников. Яркой иллюстрацией данного военно-исторического феномена является сражение хорезмийской армии Джалал ад-Дина с войсками Чингиз-хана у р. Инд в 1221 г. (рис. 3; 4).

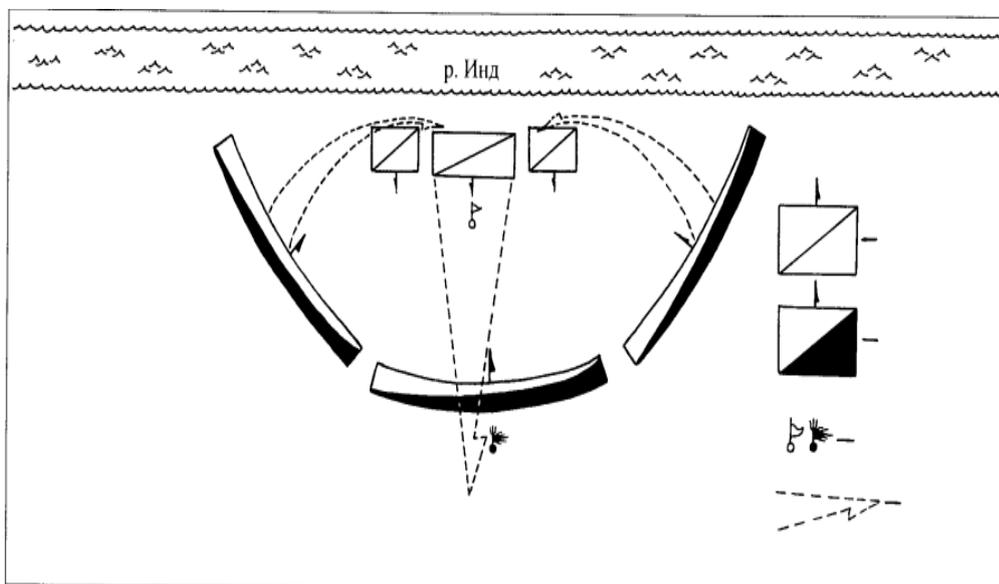

Рис. 3. Расположение и планы монгольских и хорезмийских войск перед битвой у р. Инд в 1221 г. Реконструкция Боброва Л.А.

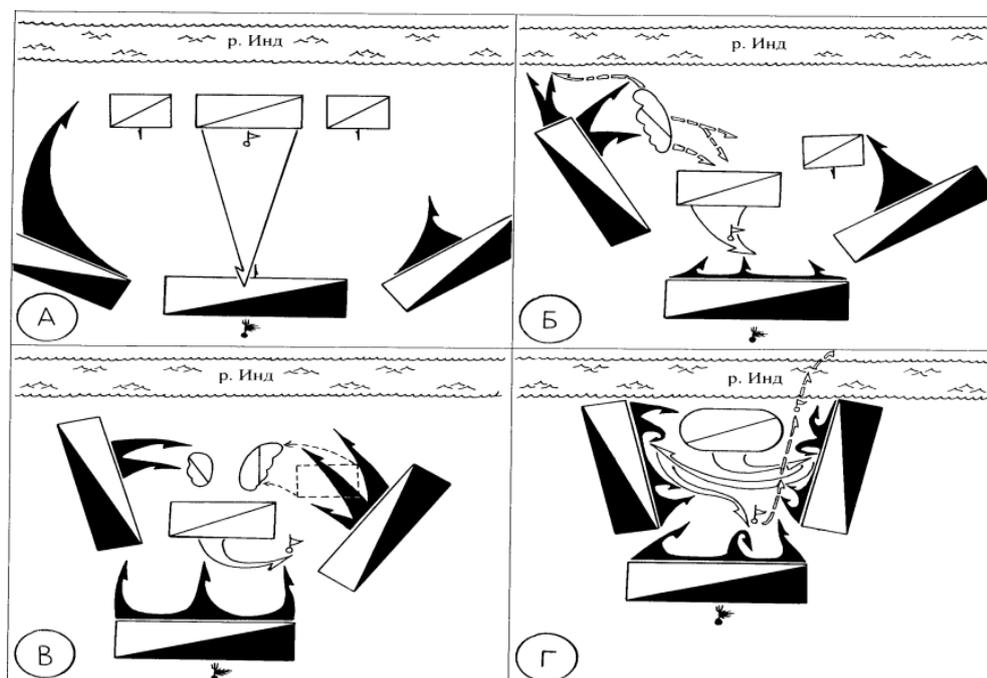

Рис. 4. Битва у р. Инд в 1221 г. Реконструкция Боброва Л.А.

Согласно сообщениям авторов XIII - начала XIV вв., как монгольская, так и хорезмийская армия имели трехчленное построение (центр и два крыла), при этом, за спиной хорезмийцев была р. Инд. Султан Джелалад-Дин находился в центре боевого построения, где были собраны его лучшие отряды. Ход сражения свидетельствует, что Джалал ад-Дин предполагал мощным фронтальным ударом прорвать центр монгольской армии в то время, как фланговые отряды хорезмийцев должны были прикрывать тылы наступающей конницы (рис. 3).

Монгольская армия была выстроена в форме полумесяца. Крылья построения были выдвинуты в сторону хорезмийцев, что исключало неожиданный прорыв Джалал ад-Дина вдоль речного берега. Если хорезмийский султан усилил свой центр, то Чингиз-хан главную роль отводил фланговым

группировкам, которые должны были совершить тактический прием «тулгاما», охватить крылья хорезмийской армии, окружить ее или прижать к воде (рис. 3). Главная роль в сражении Чингиз-хан отводил левому крылу своей армии, где были собраны отборные тысячи «бахадуров».

Согласно данным современника событий Ан-Насави в начале сражения, хорезмийская конница атаковала и прорвала центр монгольской армии, однако 10 тыс. монгольских всадников «из числа отборных воинов, имевших титул бахадуров... *вышли на правый фланг Джалал ад-Дина, где находился Амин-Малик, и разбили его, отбросив к центру.* Вследствие этого расстроился боевой порядок [Джелал ад-Дина] и была поколеблена его стойкость. Битва прошла, [оставив] погибших, обогранных кровью [раненых], утонувших в реке» [31].

Еще более подробное описание данной битвы оставил Ала ад-дин Ата Малик ибн Мухаммед Джувайни (1226-1283): «Победоносное войско Властелина Семи Стран *атаковало правый фланг, которым командовал Амин-Мелик, и они [хорезмийцы] были отброшены назад, и большая их часть убита.* Амин-Мелик обратился в бегство и помчался в Пешевар, надеясь, что резвость его коня спасет ему жизнь. Но монголы перекрыли дороги и он был убит в пути. *Левый фланг также был оттеснен назад, но султан стойко держался в центре с семьями воинами и сражался с рассвета до полудня, нападая слева на правый фланг, а оттуда на центр противника;* и в каждой схватке он укладывал наземь несколько человек. *Но войско Чингисхана продолжало наступать, и численность его с каждым часом все увеличивалось, и султана уже негде было повернуться.* Схожие данные сообщает и Рашид-ад Дин. Приведенные описания позволяют реконструировать ход сражения у р. Инд следующим образом (рис. 4). Пока хорезмийская конница атаковала центр монгольской армии, отборные войска номадов собранные на левом фланге совершили маневр «тулгاما» и разгромили правый фланг хорезмийцев (рис. 4 а, б). Правое крыло монголов, в свою очередь, повторило тот же тактический прием и потеснило противостоящих ему воинов Джелал ад-Дина (рис. 4 б, в). Последний, постарался спасти положение на флангах, однако его отчаянные попытки контратаковать отборные войска «бахадуров» (совершивших левофланговую «тулгаму»), а затем центр монгольской армии не позволили выправить положение и Джелал ад-Дин был вынужден бежать, бросившись с оружием и на коне в р. Инд (рис. 4 г).

Результаты

Завершая обзор особенностей классического («монголо-татарского») «тулгاما» XIII в. отметим, что данный тактический прием весьма точно соответствовал стрелковому комплексу монголов, который был ориентирован на ведение боя преимущественно на малой и средней дистанции. Для этой цели служили более простые (по сравнению с хуннскими и древнетюркскими прототипами), но более надежные сложносоставные луки «монгольского типа» с центральной веслообразной накладкой, а также стрелы с широкими плоскими наконечниками ассиметрично-ромбической или секторной формы, которые впоследствии получили широчайшее распространение среди народов Великой Монгольской империи от ее столицы Каракорум до Северного Кавказа [7, 32].

Как показали экспериментальные испытания, используемые монголами стрелы были менее устойчивы в полете, чем их трехлопастные аналоги, а, значит, менее эффективны при прицельной стрельбе на дальней дистанции, зато при стрельбе на расстоянии до 100 м. они давали исключительный поражающий эффект. Тяжелые плоские наконечники с широким лезвием наносили страшные широкие раны, приводившие к обильной кровопотере. Выполняя «тулгاما» (охватывая фланг противника) монголы отряд за отрядом пронеслись мимо вражеского строя, засыпая его стрелами. Благодаря тому, что стрельба велась с минимальной (или средней) дистанции она приводила к чудовищным потерям среди обороняющихся воинов и их боевых коней. Смертоносный «ливень» буквально выкашивал построения противника, заставлял паниковать, провоцировал на неподготовленную атаку или обращал в бегство. Если противник решался контратаковать, то монголы, отходили назад, увеличивая дистанцию, но не разрывали строй и не прекращали засыпать противника стрелами. Для такой стрельбы на дальней дистанции монголы сохранили в своем саадачном наборе стрелы с небольшими легкими наконечниками с трехлопастным или Z-образным в сечении пером. Это позволяло военачальникам Чингиз-хана и его преемников сделать тактический рисунок сражения максимально гибким, меняя дистанцию стрельбы в зависимости от особенностей боевой обстановки [19].

Прием «тулгاما» оказал значительное влияние на военное дело номадов в целом и эволюцию боевого строя в частности [19]. В основе монгольского тактического искусства эпохи Великих завоеваний лежали две базовые идеи: идея прорыва (сокрушения) боевых порядков противника и идея охвата (окружения) врага. И если для реализации первой из них служил прием «*шиучи*» («долото») и соответствующий ему глубоко эшелонированный строй с мощным центром и ослабленными, или вовсе отсутствующими фланговыми отрядами [19], то для осуществления идеи охвата (окружения) идеально подходил прием «тулгاما» и развернутый месяцевидный строй с усиленными флангами выдвинутыми в сторону противника. Данный строй получил известность под названием «Номонтулхикурбайри» («Лук-ключ»), «Гусиные крылья» или «Хилаял» («Полумесяц»).

В своем классическом варианте развернутый месяцевидный строй состоял из пяти или шести основных элементов. Основную линию построения формировали центр («гол») и мощные фланги

(«гар») (рис. 2а, № 1-4). К трем частям основной линии построения, часто добавлялись авангард («манкыла», «туму») и аррьергард-«кечка» (резерв и/или засада) (рис. 2а, №5, 6). Интересно, что тюркские правители, военачальники и историки Средней Азии второй половины XVI в. возводили пятичастное боевое построение именно к воинской практике эпохи Чингиз-хана: «*В соответствии с тем, как это было принято у Чингиз [-хана], выделили правое крыло, левое крыло, центр, аррьергард и [часть], которая должна быть в засаде*» [33].

Для современно читателя подобный боевой порядок представляется типичным для войск степняков, тем более что схожие варианты построений мы встречаем в боевой практике номадов раннего и развитого Средневековья. Однако, не исключено, что подобное расположение войск на поле боя (рис. 4а) было действительно закреплено в качестве основного варианта боевого построения именно Чингиз-ханом.

В пользу данной версии свидетельствуют примеры военной практики номадов позднего Средневековья, которые продолжали scrupulously следовать установлениям «Потрясателя Вселенной» даже в значительно более мелких деталях. Будущий завоеватель Индии – Бабур, описывая боевой строй кочевников Моголистана начала XVI в., отмечал, что они не только сохраняли тактические порядки эпохи Чингиз-хана, но даже место каждого степного рода в этом строю: «Среди моголов установления Чингиз хана до сих пор таковы, как их учредил Чингиз хан. [Бойцы] правого крыла стоят на правом крыле, левого крыла – на левом крыле, середины – в середине; все из рода в род стоят на местах, указанных в ярлыке [Чингиза]» [23].

Каждая часть монгольского боевого построения состояла из более мелких отрядов во главе со своими командирами. Так, например, Марко Поло приводит сведения, что строй армии Хулагу, Берке, Токты и Ногая формировался соответственно из 30, 35, 20 и 15 отрядов [34]. Уже в ходе первых заграничных военных компаний монголы стали пополнять свои войска иноэтническими контингентами: тюрками, чжурчжэнями, киданями, китайцами и т.д.

По данным Плано Карпини, центр монгольской армии в первой половине XIII в. мог состоять из плененных и предавителей покоренных народов (рис. 2а, № 1), усиленных некоторым количеством собственных монголов (рис. 2а, 2), в то время, как ударные фланги совершавшие охват построений противника (рис. 2а, № 3, 4) составлялись из «более храбрых людей» [29].

Роль элитных «штурмовых» подразделений армии Чингиз-хана и его преемников выполняли так называемые «войска батуров». В их состав отбирались наиболее сильные и опытные воины, получавшие (во время правления Чингиз-хана и Угэдэя) повышенный продовольственный паек и относящиеся к элите монгольской армии и общества [28; 35].

Можно предполагать, что в полевых сражениях воины «свиного войска батуров» могли располагаться, как в центре боевых порядков (позади упомянутых Плано Карпини «пленных» и войск покоренных народов), так и в ударных отрядах на флангах армии (как например, в упомянутой выше битве с хорезмийцами у р. Инд в 1221 г.).

Ставка военачальника и главное знамя обычно находились в центре построения на возвышенности, чтобы полководец мог контролировать ход сражения и управлять войсками (рис. 2, №7).

Согласно Плано Карпини: «*Вожди или начальники войска не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов...*» [29]. По данным Марко Поло: «*Великий хан...стоял на возвышении, в теремце на четырех слонах; высоко поднялось его знамя, отовсюду было видно...*» [34].

Характерной особенностью монгольского строя являлись выдвинутые вперед фланговые группы, благодаря которым основная линия построения войск представляла собой полумесяц обращенный рогами к противнику (рис. 2а; 3; 4а). Эту особенность развернутого монгольского строя, ориентированного на охват и окружение войск противника, очень точно подметил Ц. де Бридиа (1247 г.): «*Ядро войска располагают вокруг триумфального знамени в центре в великом множестве [воинов], а на флангах помещают два меньших [войска], с каждой стороны по одному на малом расстоянии [от центра] и сильно выступающие вперед*» [30].

Такой месяцевидный строй напоминал по форме лук, что нашло отражение в позднейшей военной терминологии монголов. Так, например, в период позднего Средневековья подобный строй носил название «*Номонтулхикурбайри*» («Лук-ключ»). Использовался ли данный термин в XIII в. неизвестно, однако авторы начала XIV в. применяли подобные сравнительные параллели. Так, например, Рашид ад-Дин, описывая бой Чингиз-хана с Джалал ад-Дином отмечал, что: «*Монгольские войска со (всех) сторон окружили султана; они встали несколькими полукружьями друг за другом наподобие лука, а река Синд была как бы тетива...*» [36].

Другим термином, который, возможно, применялся для обозначения развернутого строя в форме полумесяца, был «гусиные крылья». Так, по Ган-му, в сражении с цзиньской армии монголы «выстроились наподобие гусиных крыльев», и, действуя тремя «колоннами» (центр и два фланга?) зашли в тыл и окружили чжурчжэней [19].

Заключение

Завершая обзор маневра «тулгама» в тактическом искусстве монголов первой половины XIII в. необходимо отметить, что в этот период идея окружения армии противника путем охвата его флангов

уже прочно вошла в военную практику Чингиз-хана и его приемников. Рост значения данного тактического приема стимулировал рост популярности развернутого месяцевидного строя снабженного мощными крыльевыми группами. Стремление повысить эффективность приема «тулгана» за счет концентрации ударных войск на флангах (усиленных, том числе, за счет ослабления центрального полка) резко отличало тактику монголов от традиционной тактики тюрок раннего и развитого Средневековья у которых наиболее многочисленные и хорошо вооруженные отряды обычно составляли центр боевого построения [3; 37].

Прямое столкновение этих двух подходов в ходе военных кампаний первой половины XIII в. продемонстрировало преимущества монгольской тактической схемы над другими народами [38].

Месяцевидное построение позволяло максимально эффективно использовать главные оружейные и военно-тактические преимущества кочевников: мобильность (обеспеченную великолепным конским парком) и превосходство в дистанционном бою (за счет массового применения мощных сложносоставных луков).

Развернутые и выдвинутые вперед фланги минимализировали возможность охвата армии противником и, в то же время, создавали условия для проведения приема «тулгана» с последующим окружением вражеской армии. Наконец, данное построение было актуально при ведении, как наступательного, так и оборонительного сражения. Все эти факторы обусловили исключительно длительное существование данного строя в военном искусстве тюркских и монгольских кочевников [18].

Благодарность

Исследование проведено по проекту № 2718 в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России.

Примечания

1. Иванов М.И. Состояние военного искусства у среднеазиатских народов // О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1875. С. 129–231.
2. Бартольд В.В. Сочинения. М., 1964. Т.2. Ч.2. 600 с.
3. Разин Е.А. История военного искусства. М.: Наука, 1957. Т. 2. 652 с.
4. Росляков, А.А. Военное искусство народов Средней Азии и Казахстана в VI–XV вв. // Учен. зап. Туркм. гос. ун-та. Ашхабад, 1962. Вып. 21. С. 207–244.
5. Горелик М.В. Степной бой (из истории военного дела татаро-монголов)// Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Н., 1990. С. 155-160.
6. Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М.: ООО «Вост. горизонт», 2002. 84 с.
7. Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 189 с.
8. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. Новосибирск: Ин-т археол. и этногр. СО РАН, 1997. 159 с.
9. Миргалеев И.М. Битвы Тохтамыш-хана с Аксак Тимуром// Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань, 2011. С. 170-182.
10. Измайлов И.Л. Военное искусство // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 422-431.
11. Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М. : АСТ, 2004. 557 с.
12. Храпачевский Р.П. Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М.: Квадрига, 2011. 264 с.
13. Кушкумбаев А.К. Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. Сравнительно-историческое исследование. Кокшетау: «Келешек-2030», 2009. 170 с.
14. Кушкумбаев А.К. Значение засады в монгольской стратегии и тактике ведения боевых действий // Золотоордынская цивилизация. Вып. 5. Казань: ООО «Фолиант», 2012. С. 181-192.
15. Бобров Л.А. Вооружение и тактика восточных и западных монголов в эпоху позднего Средневековья (XVII в.) // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 11–19.
16. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
17. Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Учебное пособие. Н.: Новосиб. Гос. Ун-т, 2010. 288 с.
18. Бобров Л. А. Казахская тактика ведения боя в конном строю в конце XV- XVI вв. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. I. СПб: «ВИМАИВиВС», 2013. С. 231-258.

19. Кушкумбаев А.К., Бобров Л. А. Монгольская тактика ведения степного боя// Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи Средневековья и Нового времени. Астана: ИП «VG-print», 2013. С. 5-47.
20. Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М.: Наука, 1965. 194 с.
21. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: «Рауан», 1992. 374 с.
22. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государство и народы евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб.: «Петербургское востоковедение», 2000. 307 с.
23. Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент : Ин-т востоковедения АН РК, 1993. 464 с.
24. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата : Наука (Казахская ССР), 1969. 620 с.
25. Дмитриев С. В. Элементы военной культуры монголов (на примере анализа сражения в местности Калааджит-Элет)// Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского научного центра СО РАН, 2004. С. 363-380.
26. Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. М.: «Наука», 2003. 448 с.
27. Иванин М.И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2007. 256 с.
28. Золотая Орда в источниках. Т.3. Китайские и монгольские источники. М.: «Наука», 2009. 336 с.
29. Плано Карпини. История монголов. М.: «ТАУС», 2008. 96 с.
30. Христианский мир и "Великая Монгольская империя". Материалы францисканской миссии 1245 года. М.: Евразия. 2002. 126 с.
31. Шихаб-дин ан-Насави. Сират ас-султан Джалалад-ДинМанкбурны. М.: Восточная литература. 1996. 804 с.
32. Сальников А.В. Золотоордынский аспект влияния на развитие вооружения народов Северного Кавказа XIII-XIV вв. // Глобальный научный потенциал. 2014. №11(44). С. 70-71.
33. Хафиз-и Таныш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи шахи (Книга шахской славы). Часть 1. М.: Наука, 1983. 254 с.
34. Поло М. Книга о разнообразии мира. М.: ЭКСМО, 2005. 480 с.
35. Kradin N.N. Heterarchy and hierarchy among the ancient Mongolian nomads // Social Evolution & History. 2011. № 1. P. 187-214.
36. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 404 с.
37. Юнусов А.С. Военное дело тюрков в VII–X вв. (по арабским источникам) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Н., 1990. С. 97-105.
38. Hall T.D. Mongols in world-system history // Social evolution and history. 2005. №2. P. 89-118.

References:

1. Ivanin M.I. The State of the military art from Central Asian peoples // the military art, and conquests of the Mongol-Tatars and Central Asian peoples when Genghis Khan and Tamerlane. SPb.: Type. "Public benefit", 1875. P. 129-231.
2. Bartold V.V. Composition. M., 1964. Vol. 2. Part 2. 600 p.
3. Razin E.A. History of the military art. M.: Nauka, 1957. Vol. 2. 652 p.
4. Roslyakov A.A. Military art of peoples of Central Asia and Kazakhstan in the VI–XV centuries]. Exercises. Zap. Turkm. state University. Ashgabat, 1962. Vol. 21. P. 207-244.
5. Gorelik M.V. Steppe fight (from the history of warfare of the Mongols)// Military of ancient and medieval population of North and Central Asia. N., 1990. P. 155-160.
6. Gorelik M.V. Army of the Mongol-Tatars X–XIV centuries, martial arts, gear, weapons. M.: OOO "East horizon", 2002. 84 p.
7. Khudyakov Y.S. Arms of the Central Asian nomads in the early and developed middle Ages. Novosibirsk :Nauka. Sib. - DEP, 1991. 189 p.
8. Khudyakov Y.S. Armed nomads of South Siberia and Central Asia in the era of the middle Ages. Novosibirsk: Institute of archeology and ethnographical. SB RAS, 1997. 159 p.
9. Mingaleev I.M. The Battle of Tokhtamysh Khan with Aksak Timur// Military Affairs of the Golden Horde: the problems and prospects of studying. Kazan, 2011. P. 170-182.
10. Izmailov I.L. Military art // History of Tatars from ancient times in seven volumes. T. III. Kazan: Institute of history. Mardjani an RT, 2009. P. 422-431
11. Grachevskiy R.P. Military power of Genghis Khan. Moscow : AST, 2004. 557 p.
12. Grachevskiy R.P. Army of the Mongols conquest of Ancient Russia. M: Quadriga, 2011. 264 p.
13. Kushkumbaev A.K. Institute battue Okhotsk and military Affairs of Central Asian nomads. Comparative-historical research. Kokshetau: "KELESHEK-2030", 2009. S. 170.
14. Kushkumbaev A.K. the Value of an ambush in the Mongol strategy and tactics of warfare // Golden Horde civilization. Vol. 5. Kazan: LLC "Folio", 2012. P. 181-192.

15. Bobrov L.A. Armament and tactics of the Eastern and Western Mongols in the late middle Ages (XVII) // Historical and cultural heritage of Northern Asia. Barnaul: Publishing house of Alt. Universitypress, 2001. P. 11-19.
16. Bobrov L.A., Khudyakov Y.S. Weapons and tactics of the nomads of Central Asia and southern Siberia in the late middle Ages and the modern age (XV – first half of XVIII centuries). St. Petersburg: Faculty of Philology and arts, St. Petersburg state University, 2008. 770 p.
17. Bobrov L.A., Borisenko A.Y., Khudyakov Y.S. The Interaction of the Turkic and Mongolian peoples with the Russians in Siberia in the military in the late middle Ages and New time. Training manual. N.: Novosibirsk. GOS. Univ., 2010. 288 p.
18. Bobrov L.A. Kazakh tactics of fighting on foot in the last third of the XVI - the middle of XIX century.// War and weapons. New research and materials. Part I. St. Petersburg: "Visavis", 2012. P. 105-135.
19. Kushkumbaev A.K., Bobrov L.A. Mongol tactics of the steppe of the battle// Military nomads of Kazakhstan and neighboring countries of the middle Ages and New time. Astana: FE "BG-print", 2013. P. 5-47.
20. Akhmedov B.A. The State of nomadic Uzbeks. M.: Nauka, 1965. 194 p.
21. Klyashtorny S.G., Sultanov T.I. Kazakhstan. The chronicle of three centuries. Alma-ATA: "Rauan", 1992. 374 p.
22. Klyashtorny S. G., Sultanov T. I. the state and the peoples of the Eurasian steppes. Antiquity and the middle Ages. SPb.: "The Petersburg Oriental studies", 2000. 307 p.
23. Babur-nama. The Memoirs Of Babur. Tashkent, Institute of Oriental studies of the Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, 1993. 464 p.
24. Materials on the history of the Kazakh khanates of the XV–XVIII centuries (taken from Persian and Turkic writings). Alma-ATA: Nauka (Kazakh SSR), 1969. 620 p.
25. Dmitriev S. V. elements of the military culture of the Mongols (on the example of analysis of the battle in the area Kalaaji-Elet)// Mongol Empire and the nomadic world. Ulan-Ude: Publishing house of Buryat scientific center SB RAS, 2004. P. 363-380.
26. The Golden Horde in the sources. Vol. 1. Arabic and Persian works. M.: "Science", 2003. 448 p.
27. Ivanin M. I. About the art of war and conquests of the Mongol-Tatars and Central Asian peoples under Genghis Khan and Tamerlane. Ulan-Ude: JSC "Republican printing house", 2007. 256 p.
28. The Golden Horde in the sources. Vol. 3. Chinese and Mongolian sources. M.: Nauka, 2009. 336 p.
29. Plano Carpini. History of the Mongols. M.: "ALIK", 2008. 96 p.
30. The Christian world and the "Great Mongolian Empire". Materials 1245 Franciscan missions. M. Eurasia. 2002. 126 p.
31. Shahabad-DIN an-Nasawi. Sirat al-Sultan Jalalud-Denmarkbuy. M. Easternliterature. 1996. 804 p.
32. Salnikov V. A. Golden Horde aspect of influence on the development of weapons of peoples of the North Caucasus XIII-XIV centuries.//Global scientific potential. 2014. No. 11(44). P.70-71.
33. Hafiz-and Tanysh Ibn Mir Muhammad Bukhari. Sharaf-nama-Yi Shahi (the Book of the Shah of fame). Part 1. M.: Nauka, 1983. 254 p.
34. Polo M. the Book about the diversity of the world. M.: EKSMO, 2005. 480 p.
35. Kradin N.N. Heterarchy and hierarchy among the ancient Mongolian nomads// Social Evolution & History. 2011. № 1. P. 187-214.
36. Rashid al-DIN. The book of Chronicles. Vol. 1. KN.2. Moscow-Leningrad: Izd-vo an SSSR, 1952. 404 p.
37. Yunusov S. A. Military of Turks in VII-X centuries (according to Arab sources) // Military of ancient and medieval population of North and Central Asia. N., 1990. P. 97-105.
38. Hall T.D. Mongols in world-system history //Social Evolution & History. 2005. №2. P. 89-118.

УДК 903.22

Тактический прием «тулгaмa» в военном искусстве монголов XIII в.

¹ Леонид Александрович Бобров

²Алексей Викторович Сальников

¹Новосибирский государственный университет, Российская Федерация
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090
Доктор исторических наук, доцент
E-mail: spsml@mail.ru

²Северо-Кавказский институт бизнеса, инженерных и информационных технологий, Российская Федерация
Ул. Дзержинского, 62/1, Армавир, 352900
Кандидат исторических наук
E-mail: alexkat_salnikov@mail.ru

Аннотация. В настоящей публикации, на основании комплексного анализа источников, рассмотрен один из важнейших тактических приемов монголов XIII в., получивший известность под тюркским названием «*тулгاما*». Название маневра происходит от тюркского глагола «*тулгамак*», то есть «окружить, обернуть, обратить, кружить, крутить».

Установлено, что маневр «*тулгاما*» представлял собой особый тактический прием, предусматривавший охват фланга (флангов) противника с выходом в тыл и нанесением массированного лучного удара по его построениям. Выделено три разновидности рассматриваемого тактического приема: правофланговая, левофланговая и парная (двойная) «*тулгاما*». Наиболее типичной являлась правофланговая «*тулгاما*», при выполнении которой кочевники, охватывали левое крыло противника своим правым флангом. Это позволяло атакующим лучникам вести стрельбу из максимально удобного положения (влево-вперед, влево, и влево-назад).

Характерной чертой монгольского тактического искусства стала парная (двойная) «*тулгاما*», когда войска кочевников охватывали оба вражеских фланга, заключая армию противника в кольцо, после чего нападали на нее со всех четырех сторон. Подобный прием позволял не только сбить с позиции, но и практически совершенно уничтожить вражеские войска. Для максимально эффективного применения маневра «*тулгاما*» монголы стали все чаще использовать развернутый месяцевидный строй, с мощными выдвинутыми вперед фланговыми группами.

Концентрации ударных войск на флангах (усиленных, том числе, за счет ослабления центрального полка) резко отличало тактику монголов от традиционной тактики тюрков, у которых лучшие части обычно составляли центр боевого построения. Однако прямое столкновение этих двух подходов в ходе военных кампаний XIII в. продемонстрировало преимущества монгольской тактической схемы. Высокая эффективность приема «*тулгاما*» обусловила его длительное существование в военном искусстве кочевников.

Ключевые слова: тулгاما, окружение, фланг, номады, монголы, завоевания, заимствования.